
ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ДОКТРИНА, ПРИНЦИП ПОВЕДЕНИЯ И КАК МОРАЛЬНАЯ ДИЛЕММА

Т.И. Пороховская

Кафедра этики

Философский факультет

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, 27-4, Москва, Россия, 119991, ГСП-1

Толерантность рассматривается как идея и принцип поведения, как доктрина и как один из механизмов поддержания мирного сосуществования социальных групп. В статье прослеживается происхождение и историческое изменение содержания идеи толерантности, в том числе философско-идеологические основания современного ее понимания. Анализ практики применения принципа толерантности приводит к заключению об ограниченности регулятивных возможностей этого принципа. Конфликт интересов и ценностей толерантностью не устраняется, а для моральных ценностей толерантность может быть даже разрушительной.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, веротерпимость, мультикультурализм, политкорректность, нравственные ценности.

Толерантность является одним из условий сосуществования, сотрудничества людей, принадлежащих к разным культурам и верованиям. В ситуации культурного многообразия толерантность делает возможным бесконфликтное сосуществование в едином социальном пространстве людей с различными интересами, религиозными и политическими убеждениями. Толерантность в межличностных отношениях определяется как сдержанность, способность воспринимать культурно-религиозные отличия без раздражения, без стремления их скорректировать или навязать свои убеждения и представления, это умение относиться к культурным и религиозно-мировоззренческим особенностям с пониманием, а к представителям других культур — с уважением. В Декларации принципов толерантности, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 1995 г., толерантность определяется как уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности [2. Статья 1]. В социально-политическом дискурсе, высказываниях правозащитников, журналистов с утверждением толерантности как универсального принципа межличностного общения связываются надежды на снижение потенциала конфликтности в социальных отношениях, что особенно важно для многонациональных, многоконфессиональных стран.

Между тем заимствованное из культуры Запада требование толерантности плохо приживается на нашей культурной почве, а с ростом постперестроечных разочарований и связанных с ними антизападнических настроений растет и подозрение к пришедшему с Запада требованию толерантности. Почему именно это требование вышло сейчас на первый план? Когда и в связи с чем обостряется потребность в толерантном отношении? Почему это требование, на первый взгляд, такое очевидное, предьявляется так агрессивно и безапелляционно, буквально навязывается?

В императиве толерантности при внимательном его рассмотрении много недосказанности, неопределенности, что обнаруживается при практической реализации этого требования. Толерантного отношения к себе сейчас требуют не только этнокультурные и конфессиональные группы, но и лица нетрадиционной сексуальной ориентации, курильщики, наркоманы, проститутки и др.

Допустима ли толерантность ко злу, можно ли толерантность понимать как отказ осуждать и наказывать зло? В Европе тоже в последнее время звучат заявления о провале политики мультикультурализма и необходимости в связи с этим точнее определить пределы толерантности. Следует ли быть толерантным к нетолерантным? По отношению к кому и чему применима толерантность и где проходит граница между толерантностью и оправданной нетолерантностью? Словом, в теме толерантности больше вопросов, чем ответов.

Раскрыть феномен толерантности целостно позволяет рассмотрение этого явления с разных сторон: в социально-психологическом аспекте, историческом, политическом, философском, аксиологическом. Толерантность как норма общения между представителями разных культур — лишь форма, в которой это явление открывается обыденному сознанию, и уровень рассмотрения, на котором нередко пытаются удержать эту тему те, кто предьявляет этот принцип: толерантность как принцип общения в ряду других норм и принципов.

Историческое рассмотрение толерантности позволяет вскрыть те противоречия между социальными группами, которые ставят тему толерантности на повестку дня, а рассмотрение в политическом аспекте — сосредоточиться на политических методах решения этих противоречий. Философско-исторический подход вскрывает глубинные причины, социальные корни интолерантности, многостороннего взаимного отчуждения, и сущность толерантности, а аксиологическое рассмотрение феномена толерантности позволяет решать проблему границ толерантности, места толерантности как ценности в ряду других, и прежде всего нравственных, ценностей культуры.

Чтобы раскрыть содержание толерантности как принципа межкультурного общения, необходимо выделить различные мотивы терпимого отношения к представителям иных групп, понять социальные, культурные и психологические корни противоположного феномена — интолерантности, нетерпимости, ксенофобии — и формы, в которых они проявляются. Толерантность как терпимость, способность без враждебности и раздражения воспринимать чужой образ жизни, мнения, идеи, верования, — это некоторый идеал. Терпимое отношение конкретного человека к другим всегда так или иначе мотивировано, причем мотивация терпимости социально зависимого отличается от мотивации социально доминирующего.

Предметом толерантности как принципа общения являются прежде всего убеждения, жизненные ценности, которые отличаются от собственных или даже несовместимы с ними. Диапазон мотивов терпимого отношения располагается от оценки его как неизбежного или меньшего зла (и тогда различия вынужденно терпят) до представлений о толерантности как ценности, условия диалога культур и существования культурного многообразия общества, которое рассматривается

как благо (и тогда культивирование многообразия рассматривается как цель). Хотя, как заметил М. Уолцер, множественность этнических групп и религиозных общин отнюдь не является непереносимым условием существования и расцвета общества, даже либерального [8. С. 24]. Гомогенные в культурном отношении общества успешно развиваются и процветают (как, например, Япония или Южная Корея).

Можно выделить различные коннотации терпимости: а) терпимость как смирение слабого, зависимого, несопротивление которого служит гарантией стабильности его положения; б) терпимость как сдерживание неприязни, сознательное вытеснение ее и замещение на нейтральное или даже позитивное отношение; в) терпимость как снисходительность, основанная на убежденности в превосходстве своего образа жизни, своих ценностей, а также уверенности в том, что им ничто не угрожает; г) терпимость как цивилизованный компромисс, терпимое отношение к носителям других культурных ценностей, основанное на представлении о равноценности культур, их непроницаемости друг для друга, принципиальной невозможности понять иную культуру; д) терпимость как признание и уважение права других на иной образ жизни и готовность к сотрудничеству с ними (толерантность); е) терпимость как безразличие к различиям («да делайте, что хотите, только меня не трогайте»). Толерантность, таким образом, является лишь одним из видов терпимости. Но, поскольку даже положительное отношение к культурным различиям, готовность жить рядом с представителями других культур не означает готовности разделять их взгляды и верования, толерантность — это всегда *терпимость*.

В латинском *tolerare* (терпеть, переносить) или *tolerans* (терпеливо переносящий) предметом терпимого отношения является то, что доставляет неудобство и даже страдания. Терпят то, что мешает, вызывает дискомфорт, воспринимается как представляющее актуальную или потенциальную угрозу индивиду или группе, но чего не могут изменить (или изменение чего требует слишком больших жертв). Терпят вынужденно: в содержании отношения терпимости присутствуют коннотации неприятия, неизбежности и даже обреченности. Это христианское смирение, которое Ф. Ницше считает продуктом деятельности духовного комплекса *ressentiment*, — стойкость в жизненных испытаниях, которые невозможно преодолеть, смирение слабого, зависимого. Такая — *адаптационная* — терпимость граничит с беспринципностью, попустительством злу. В определенных пределах она способна сдерживать социальное напряжение, но чревата, как предупреждал тот же Ницше, внезапным взрывом возмущения, негодования, мести.

Для *патерналистской* терпимости, терпимости сильного, а то и социально доминирующего, характерны коннотации снисходительности, допущения. Идеологически патерналистская терпимость, как и адаптационная, выражается в стратегии мирного сосуществования, когда мирное сосуществование рассматривается в качестве фундаментальной ценности, которая реализуется в тактике сдержанности, невмешательства в дела другого, готовности к компромиссам. Но и в содержании патерналистской терпимости присутствует момент вынужденности, неизбежности: патерналистская терпимость обусловлена слишком высокой соци-

альной ценой иных политических решений. «Терпимое отношение к группам, — пишет С.Г. Ильинская (и с ней солидарен М. Уолцер), — практикуется лишь тогда, когда исчерпаны ресурсы их подавления» [7. С. 10].

Общим ценностным основанием толерантности как стратегии межкультурной коммуникации, протекающей на межгрупповом и межличностном уровнях, выступает идея мирного сосуществования как блага.

Однако в какой мере группы готовы пожертвовать своей религиозно-культурной идентичностью ради мирного сосуществования? Толерантность, считают скептики, — это не тот принцип, который способен объединить людей или разнородные социальные группы, превратить их в единую социальную общность. Так, например, Е.Л. Дубко считает, что терпимость, скорее, разрушает политическую мотивацию и политическую общность, чем объединяет ее [3. С. 661]. Терпимо относятся к чужому, с кем ничто не объединяет и мало что связывает, но с которым по неприятной жизненной необходимости приходится периодически вступать в контакты. Толерантность — это тактический прием, который позволяет осуществлять коммуникацию даже при наличии неприятия между партнерами. При этом сознательно игнорируются, отодвигаются в сторону глубинные причины разногласий. Конфликт ценностей, таким образом, толерантным отношением не устранивается.

Латинский термин «*tolerantia*» (от лат. *tolerans* — терпеливо переносящий) первоначально означал добровольное перенесение страданий, пассивное терпение [1. С. 590]. Принцип пассивного терпения становится одним из центральных в стоической философии и христианской идеологии. Идея толерантности оказалась востребованной и получила новую жизнь в Новое время. С.Г. Ильинская и Б.Г. Капустин связывают философское обоснование политической практики терпимости в европейской культуре с «изобретением» в Новое время понятия «приватности», разделения жизни на частную и публичную. Концептуально это разделение было оформлено Дж. Локком, предложившим особенности частной жизни воспринимать в качестве безразличных вещей.

Под влиянием негативной общественной реакции на межрелигиозную нетерпимость периода религиозных войн XVI—XVII вв. идея толерантности приобретает весьма определенный смысл — толерантность понимается как отказ от насилия в деле приобщения человека к вере, терпимость к чужим верованиям и принцип невмешательства духовной и светской власти в дела друг друга. Толерантность стала моральным ответом на политические события — истребительные религиозные войны XVI—XVII вв. в Европе. Отстраненно-смирненное отношение к различиям во имя сохранения мира, пишет в связи с этим М. Уолцер, наступает после истребительных войн как «спасительная стадия изнеможения: ее-то мы и называем терпимостью» [8. С. 25].

Центральной проблемой толерантности оказался вопрос о ее границах и их обосновании: на кого и на что не распространяется толерантное отношение, и почему. Позже, прежде всего под влиянием просветителей, в особенности французских, толерантность начинает пониматься шире: как терпимость к иным взглядам и другому образу жизни.

В статьях о веротерпимости Д. Локк обозначил основные параметры либеральной концепции толерантности.

В работе «Опыт о веротерпимости» он отвечает и на вопрос о том, какую свободу можно допустить, и на вопрос, какими критериями для этого следует руководствоваться, а также указывает на связь морального и политического аспектов толерантности. Локк отделил частную сферу жизни от публичной и религиозную веру отнес к частной жизни, к той сфере, различия в которой следует признать несущественными и в которую государство и любая иная власть не должны вмешиваться. Мнения и поступки, считал он, могут допускаться государством только в том случае, если они не наносят вреда государству и обществу, и запрещаться, если они способны причинить им ущерб.

Так, писал он, взгляды католиков-папистов, признающих верховенство Римского престола, а не Британской короны, представляют угрозу для государства, поскольку открывают возможность вмешательства в государственную политику со стороны, к тому же паписты практикуют религиозную нетерпимость, что тоже небезопасно для общества [6]. Таким образом, предметом толерантного отношения являются чуждые взгляды и особенности частной жизни людей. Толерантность заключается в отказе от силовых методов решения тех противоречий, которые не несут угрозы государству и обществу.

Толерантности как механизму урегулирования взаимоотношений между носителями разнонаправленных интересов придается большое значение в либеральной идеологии. В утилитаристской политической традиции, начиная с Локка, принцип толерантности обосновывается как способ избежать большего зла — социальной нестабильности.

В основе либерального обоснования толерантности лежит особое понимание общества и личности. Общество — это союз равноправных и свободных индивидов с различными представлениями о личном и общественном благе. В правовом государстве власть обязана уважать достоинство и свободы своих граждан, защищать гражданина не только от сограждан, но и от произвола самой государственной власти. С приобретением официального статуса влияние прав человека в международном политическом дискурсе только укреплялось, на них ссылались все чаще и чаще. Фундаментальные свободы и сформулированные на их основе права имеют бытийное значение для каждого человека, они выступают базой для политических требований, занимают место общих ценностей в условиях разнообразия культур и кризиса моральных ценностей.

Как принцип действия индивидов толерантность исходит из прав человека и предписывает относиться к другому как к равно достойной личности, признавать и уважать ее право на отличия. Задача же государства состоит в том, чтобы законодательно гарантировать каждому члену общества свободу самовыражения, не отдавая предпочтения ни одному из мнений. Субъективизму индивидуальных суждений и оценок, согласно либеральным представлениям, должна противостоять беспристрастность не только государства, но и морали. На мораль возлагаются функции предотвращения или смягчения конфликтов, примирения индивидов с различными жизненными установками.

Мораль в роли арбитра должна приподняться над субъективными интересами и суждениями и легитимизировать право каждого на собственные взгляды и оценки, право каждого жить по-своему: одни мнения и верования ничем не лучше и не хуже других, поэтому аморально преследовать за убеждения, принуждать отказываться от них или силой навязывать какое-либо мнение. Человек, настаивающий на своем праве на собственное мнение, должен зарезервировать такое же право и за любым другим.

В рамках либеральной универсалистской идеологии разрабатываются различные аргументы в пользу тех или иных позиций, в том числе и противоположных друг другу, например, как в пользу религиозных убеждений, так и в защиту представлений и ценностей, несовместимых с религиозными убеждениями. Практически же, высказывает свои подозрения Е.Л. Дубко, призывы к толерантности камуфлируют стремление власти парализовать всех возмущенных, представив политические разногласия как не более чем чьи-то субъективные мнения, в то время как на государственном уровне поддерживаются индивидуалистические ориентации, разъединяющие людей.

Ценностным ядром либеральной идеологии являются права человека. Предлог нарушения прав человека нередко используется доминирующими на политической арене государствами даже для вмешательства во внутренние дела других, более слабых, государств, вплоть до военных действий (1), что, в частности, свидетельствует о высоком ценностно-нормативном статусе прав человека.

Права человека на сегодня являются аналогом общечеловеческой морали, от имени которой требования могут быть предъявлены к любому моральному субъекту — человеку, группе, государству. А как быть с критерием прав человека применительно к этно-конфессиональным группам в государстве, внутри которых в частной сфере нарушаются права членов этих групп, или с теми группами, в системе представлений которых нет четкого разделения между частной и публичной жизнью? Ч. Кукатас, например, на этот вопрос предлагает свой ответ, адекватно выражающий суть классического либерализма [5].

Он оставляет в стороне вопрос о ценностных основаниях принятия решений (справедливости и др.) и в качестве главного регулятивного принципа предлагает формальный принцип — принцип свободы объединения в сочетании со свободой выхода из объединений. Причем именно свободу выхода из объединений он называет фундаментальным правом каждого, поскольку, как он считает, все остальные права либо вытекают из него, либо даруются индивидууму сообществом. Чувствует индивид себя ущемленным теми традициями, которые поддерживаются в группе, — у него есть право выхода из группы, не чувствует — остается в ней.

Однако не является ли это формальное право — право на разрыв отношений с близкими людьми в сплоченных этнических сообществах — не правом, а угрозой наказания за своеволие? А насколько соответствует природе правового государства отмена универсальных прав для членов какой-либо этнокультурной группы? И как все же нам относиться к группе, внутри которой нарушаются права человека? Если Ч. Кукатас оправдывает этими традициями право родителей в своей этнической группе выбирать будущего мужа для своей дочери, а мы, руководствуясь правами человека, отстаиваем право каждого человека на самореализацию,

право каждого выстраивать свою жизнь по-своему, в соответствии со своими представлениями, чувствами, пристрастиями?

При политическом подходе толерантность рассматривается как принцип отношения между религиозно-культурными группами. Отношения между этими группами — это отношения между теми, кто терпит, и теми, кого терпят, которые, пишет М. Уолцер, напоминают отношения господства и подчинения в их аристотелевском понимании (хотя, по сути, являются иным отношением): господин и раб представляют собой некоторое единство, для взаимного сохранения которого необходимо воспитывать терпимость друг к другу.

Идеологема толерантности, по мнению Ю. Хабермаса, С. Жижека и др., — это один из методов сохранения статус-кво для власти. Суть этого метода заключается в том, что изменяется предмет общественного внимания: оно переключается на субъективные формы насилия, тогда как формы системного насилия убираются из поля зрения. Тактика толерантности воплощается, в частности, в политкорректности, которую С. Жижек называет политикой страха, возведением символических стен вежливости, поддерживающих социальную дистанцию, отчуждение. Он приводит в связи с этим комментарий философа Алена Финкелькраута к волнениям во французских пригородах: «Если араб поджигает школу, это восстание. Если это делает белый, то это фашизм» [4. С. 91]. Говорить о том, что преступления совершаются этническими группировками, неpolitкорректно. Политкорректность парализует «стремлением не задеть другого, независимо от того, насколько жестоким и суеверным является этот другой» [4. С. 102], однако, она только кажется умиряющей силой, считает С. Жижек, на самом деле втайне способствует разжиганию насилия.

Для того чтобы понять, почему вопрос о частных культурных и религиозных различиях то находится на периферии общественного внимания, то вдруг переводится в политическую плоскость, а накапливающееся социальное раздражение неожиданно взрывает социальный порядок, необходимо выяснить социальные корни нетерпимости.

Разрыв между декларированием прав человека в качестве ценностей официальной идеологической доктрины и отсутствием эффективной системы защиты прав в массовом порядке порождают чувство социального бессилия, унижения, гнева. Социальное насилие в любой его форме — в форме ли институционализированного лицемерия, своевольного ограничения прав, дискриминации или в форме чрезмерной эксплуатации, угнетения, ущемления экономических интересов и т.д., — вот глубинные причины, порождающие социальное отчуждение, интолерантность. Так, за нетолерантным отношением к трудовым мигрантам скрывается, прежде всего, опасение за ухудшение качества рынка труда для местного населения, угроза безопасности и другим основополагающим ценностям привычного образа жизни, а отнюдь не неприятие чужой культуры или веры.

Конкретная форма, мотивы толерантного отношения обусловлены, с одной стороны, отношением к ценностям собственной культуры, саморефлексией, самоидентификацией, а, с другой стороны, оценкой ценностных систем других культур.

Толерантность как благо сосуществует в сознании с другими жизненными ценностями и благами, в том числе лежащими в основе интолерантности и по интенсивности превосходящими ценность толерантности, — такими, как принципиальность, верность своим идеалам; ценность привычного, комфортного образа жизни (и, соответственно, нетерпимость ко всему, что им угрожает) и т.д. Этим обусловлено то, что толерантные установки различаются по степени устойчивости и интенсивности, что лицемерная толерантность легко трансформируется в свою противоположность, а отложенная негативная реакция может разряжаться ничем не сдерживаемыми актами агрессии. В настойчивых призывах к толерантности много лукавого: в них, в частности, акцент с *предмета* толерантного отношения (*что* терпеть) нередко смещается на *субъекта* толерантного отношения (*необходимость* терпеть). Проблема границ, пределов, меры толерантности, соотношения терпимости, толерантности и беспринципности, толерантности и релятивизма возникает, прежде всего, как практическая, моральная проблема.

Моральное отношение к другому человеку включает в себя терпимость к его заблуждениям, предрассудкам, случайным ошибкам и другим проявлениям, которые оцениваются как обычные человеческие слабости, — то несущественное, чем без ущерба для общей оценки личности другого можно пренебречь.

Моральное отношение к другому предполагает заботу о его благе, если это необходимо, поддержку, личное участие в его судьбе. Размышления над нравами, споры о должном, определение относительной значимости моральных ценностей — это и есть живая жизнь морали. Толерантность же блокирует размышления о ценностях и тем самым консервирует равнодушие, отчуждение между людьми. Как пишет Е.Л. Дубко, «скорее, это неохотное, молчаливое согласие, скрывающее презрение к чужому мнению, способ игнорировать чужие интересы и мнения» [3. С. 661].

Менее категоричен, но в целом солидарен с этой точкой зрения С. Жижек. «Мой долг быть терпимым к другому, — пишет он, — на самом деле означает, что я не должен приближаться к нему слишком близко, вторгаться в его пространство. Иными словами, я должен уважать его *нетерпимость* к моей чрезмерной близости. Главным правом в позднекапиталистическом обществе все чаще становится право *не подвергаться домогательствам*, то есть держаться на безопасной дистанции от других» [4. С. 37]. На практике эта установка оборачивается буддистским универсализированным безразличием, воздержанием от слишком большого сочувствия.

Толерантность, таким образом, деформирует нравственно ориентированную личность. Индивид, которому внушают, что толерантность — это более чем мораль, соответствующий духу современности способ отношения к другим, дезориентирован, обезоружен: он, пишет Е.Л. Дубко, вынужден не реагировать на аморальные явления, он скрывает свою позицию, лишен возможности защищать ее в споре. Он лукавит, он неискренен, он притворяется, он принужден к бесконечным компромиссам.

Принцип толерантности играет разную роль в разных сферах общественной жизни. Его роль повышается в тех сферах и тогда, где и когда отсутствует «точ-

ный критерий оценки и доказательства предпочтительности каких-либо взглядов» [1. С. 590], как, например, в сфере искусства (области вкусов) или в сфере верований. В научном сообществе в процессе поиска истины толерантность также способствует плодотворности научных дискуссий, взаимопониманию оппонентов. До тех пор, пока истина не установлена, терпимость и уважение к чужим мнениям служат гарантией ее нахождения. В запале нетерпимости к иному мнению легко не заметить рациональное зерно истины.

Однако толерантность — не единственный принцип, регулирующий отношения в сфере науки. Только в единстве с другими принципами, такими, как верность истине, интеллектуальная честность (Ф. Ницше), критическое отношение к результатам не только чужих, но и собственных исследований (Р. Мертон) обеспечивается общая цель деятельности научного сообщества. Терпимость же к откровенному шарлатанству, когда истина известна и доказана, ничем не может быть оправдана.

Точно так же и в моральной и политической сферах этот принцип не следует абсолютизировать. Он не может быть доминирующим и должен быть уравновешен и ограничен другими принципами и ценностями, которые позволяли бы сделать заключение о границах толерантности, решить, где толерантность уместна и даже необходима, а где — нет. «...Терпимость как таковая, — пишет — С.Г. Ильинская, — не является добродетелью и значима лишь тогда, когда содействует другим важным целям и устремлениям человека, которых нельзя достичь иначе, чем при условии примирения с существованием различий» [7. С. 9].

Гораздо больше оснований видеть в толерантности весьма опасный для морали феномен. Толерантность если и не разрушает, то подрывает, ограничивает мораль, разлагает нравы.

Одна из важнейших функций морали — ценностно-ориентирующая. Мораль маркирует все социальные явления, затрагивающие интересы людей, ценностными знаками: «добро» и «зло», «гуманность», «справедливость», «порядочность» и т.д. Так, политика может оцениваться как гуманная или негуманная, экономические отношения — как справедливые или несправедливые, поступки людей оцениваются как достойные или недостойные.

Такие оценки, в которых находит выражение отношение людей к разным сторонам своей жизни, служат основанием программ по ее переустройству. Толерантность же ориентирует на беспристрастность, воздержание от оценок, в результате чего на одну доску ставятся, например, героическое самопожертвование ради других и эгоистическое извлечение личной выгоды за счет других, — это, если руководствоваться принципом толерантности, частная жизнь, личное дело каждого. Толерантность может удерживать от однозначного осуждения того, что представляется морально недопустимым, связывать руки субъекту моральной оценки, дезориентировать его. Тем самым снижается ценностный статус нравственно ценного и, соответственно, повышается — нравственно неприемлемого, что, в конечном счете, провоцирует вседозволенность, открывает путь произволу и насилию. То, что могло бы быть отвергнуто с моральных позиций, фактически нередко санкционируется, охраняется, защищается доктриной толерантности.

Абсолютизация толерантности оборачивается попустительством злу, открывает путь к произволу. Поэтому этот принцип не стоит абсолютизировать ни в политической сфере, ни тем более в моральной. Он не может быть доминирующим и должен быть уравновешен другими принципами и ценностями, в контексте которых определяется уместность и границы применения принципа толерантности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Когда же ради защиты «прав человека» в мирное время развязываются войны, ставятся на колени государства, убивают, калечат и заставляют страдать людей, нельзя, как справедливо замечает Е.Л. Дубко, отделаться от подозрения, что риторика прав человека «служит некоторым образом для того, чтобы не упоминать о добре и зле и не видеть другого зла, кроме как зла нарушения прав человека» [3. С. 688].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Валитова Р.Р.* Толерантность // Новая философская энциклопедия в 4 т. — М.: Мысль, 2001. — Т. IV.
- [2] *Декларация принципов толерантности.* Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г.
- [3] *Дубко Е.Л.* Политическая этика. — М.: Академический проект; Трикта, 2005.
- [4] *Жижек С.* О насилии. — М.: Европа, 2010.
- [5] *Кукатас Ч.* Либеральный архипелаг: Теория разнообразия и свободы. — М.: Мысль, 2011.
- [6] *Локк Дж.* Опыт о веротерпимости // Сочинения. — Т. 3. — М.: Мысль, 1988.
- [7] *Ильинская С.Г.* Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. — М.: Праксис, 2007.
- [8] *Уолцер М.* О терпимости. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

TOLERANCE AS A DOKTRINE, PRINCIPAL OF BEHAVIOUR AND AS MORAL DILEMMA

T.I. Porokhovskaya

Department of Ethics
Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
*Lomonosov Prospect, 27-4, Shuvalov Building,
Moscow, Russia, 119991, GSP-1*

The article deals with tolerance as an idea and a principal of behavior, as a specific mechanism of support to peaceful co-existence of social groups. It is looking through the origin and historical change of tolerance idea content including philosophical-ideological basics of it contemporary understanding. Analysis of tolerance principal practical realization makes the conclusion about limited regulatory potentialities of this principal. Tolerance does not liquidate the conflict between interests and values. For moral values this conflict might be even destructive.

Key words: tolerance, intolerance, religious tolerance, multiculturalism, political correctness, moral values.

REFERENCES

- [1] Valitova R.R. *Tolerantnost'.* Valitova R.R. *Novaia filosofskaia entsiklopediia v 4 t. T. 4* (Tolerance. New Philosophical Encyclopedia in 4 Volumes. Volume 4). Moscow: Mysl', 2001.
- [2] Deklaratsiia printsipov tolerantnosti. Utverzhdena rezoliutsiei 5.61 General'noi konferentsii IuNESKO ot 16 noiabria 1995 g. (Declaration of Principles on Tolerance, the General Conference of UNESCO solemnly adopted on 16 November 1995).
- [3] Dubko E.L. *Politicheskaia etika* (Political Ethics). Moscow: Akademicheskii proekt; Triksta, 2005.
- [4] Žižek S. *O nasilii* (About Violence). Moscow: Evropa, 2010.
- [5] Kukathas Ch. *Liberal'nyi arhipelag: Teoriia raznoobraziia i svobody* (The Liberal Archipelago: A Theory of Diversity and Freedom). Moscow: Mysl', 2011.
- [6] Locke J. *Opyt o veroterpimosti. Sochineniia. T.3* (Essay Concerning Toleration. Works. Volume III). Moscow: Mysl', 1988.
- [7] Il'inskaya S.G. *Tolerantnost' kak printsip politicheskogo deistviia: istoriia, teoriia, praktika* (Tolerance as Principle of Political Action: History, Theory, Practice). Moscow: Praxis, 2007.
- [8] Walzer M. *O terpimosti* (About Tolerance). Moscow: Ideia-Press, Dom intellektual'noi knigi, 2000.